

Павловская А. Ю.

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1950-1970-Х ГГ.: ЭТАПЫ АРХИВАЦИИ И КАНОНИЗАЦИИ ЭГО-ДОКУМЕНТА В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье исследуется дискурс о блокадном дневнике в контексте культурной памяти о Великой Отечественной войне в 1950-1970-е гг. Автор показывает, что современные представления о блокадном дневнике как историческом источнике и символе имеют собственную генеалогию, корни которой – в 1940-х гг. Анализируя процессы архивации и канонизации блокадных дневников, автор приходит к выводу, что можно выделить три периода дискурса о блокадном дневнике, в основе которых лежат представления о ценности документа и спектра его возможных интерпретаций. Для первого периода (1950-нач. 1960-х гг.) характерно внимание к литературной цельности текстов, второй (1960-1970-е гг.) – время обнаружения исторической и фактологической ценности блокадных дневников. Начавшийся в конце 1970-х гг. с публикацией «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича период связан представлениями о безусловной ценности блокадного дневника.

Ключевые слова: memory studies, архив, блокада Ленинграда, память о блокаде Ленинграда, память о Великой Отечественной войне, эго-документы

Для цитирования: Павловская А. Ю. Блокадный дневник и память о войне 1950–1970-х гг.: этапы архивации и канонизации эго-документа в публичном дискурсе // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 637-645. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).637-645

Сегодня, спустя почти 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, очевидно, что блокадный дневник – это не только важнейший источник по истории блокады, открывающий перед исследователями многообразие подходов и оптик, но и один из ключевых символов памяти о блокаде Ленинграда. Эта уверенность, однако, является следствием долгого процесса включения блокадных дневников в канон памяти о блокаде. В этой статье рассматривается то, как в 1950-1970-е годы происходила «тихая и незаметная» источниковая революция, как появилась формула «блокадный дневник», использующаяся сегодня повсеместно.

Исследование блокадных дневников – одно из важных направлений в современной историографии блокады. Начиная с 2010-х годов, использование блокадных дневников как источника для реконструкции бытовых практик, моделей поведения, изучения образов и социальных отношений, является конвенциональным приемом [Пянкевич, 2014; Яров, 2021; Hass, 2021], отдельные исследователи рефлексировали о жанре блокадного дневника, субъективности их авторов и генеалогии практик [Peri, 2017]. Однако проблематизация места блокадного дневника в культуре, изучение его в контексте архивных и музейных практик и с позиций исследований культурной памяти, является новой сферой историографического знания [Павловская, Павловский, 2022].

Этот подход позволяет, усложнить, с одной стороны, представление об этом типе источников, с другой – о послевоенных практиках работы с прошлым. В рамках этого подхода поднимаются следующие исследовательские вопросы: Как менялось представление о важности и значимости блокадных дневников в архивном деле, историографии, литературе и публицистике? Что эти изменения говорят о состоянии

этих дисциплин? Как перекликаются эти изменения с развитием культурной памяти о блокаде? Как они сами меняют память о блокаде? Работа в этом направлении подразумевает обращение к двум режимам культурной памяти – «архиву» и «канону», концептам предложенным Я. Ассман и А. Ассман. Теоретики полагают, что именно от процесса собирания текстов (архивации) и их интерпретации (канонизации) и зависит вся динамика культурной памяти [Ассман, 2014, с. 55-59]. Если архив – это все собранные (и известные) на определенный момент блокадные дневники, то канон – это совокупность блокадных дневников, тем или иным образом введенных в публичный дискурс: их интерпретация при публикации, помещении в экспозиции музея, переработке в кинотекст и пр. Дискурс о блокадном дневнике формируется, таким образом, как в ходе архивации (почему архивисты и историки считают, что именно этот документ важен и почему), так и в процессе канонизации (почему писатели, режиссеры, журналисты, музейные работники, художники и другие акторы культурной памяти считают, что дневник заслуживает внимания широкой аудитории, и каким образом они до нее доносят его содержание, символическое значение, ремедиацию).

В публичном поле говорить о дневниках жителей блокадного Ленинграда начали в ноябре 1942 года, когда была создана «Комиссия по сбору материалов для создания хроники обороны Ленинграда» при Ленинградском отделении Института истории ВКП(б). Комиссия ставила перед собой задачу собрать максимально полный архив блокады Ленинграда, важнейшей частью которого должны были стать дневники и записанные сотрудниками устные свидетельства. В 1943-1944 годах сотрудники комиссии проводили встречи на предприятиях и агитировали за передачу в фонды института дневников и писем. В архиве Института отложились типовые «Тезисы для беседы на тему «Значение собирания документов и воспоминаний об обороне Ленинграда»». В них, в частности, указывалось, что передача дневников и писем в коллекцию Института – это «долг и честь каждого ленинградца и ленинградки» [ф. 4000, оп. 1, д. 196, л. 52]. Архив, собранный в результате работы комиссии, стал одним из самых крупных хранений блокадных дневников – сегодня он образует компактный корпус в составе ф. 4000 в ЦГАИПД СПб. Первая публикация фрагментов двух дневников из собрания относится к 1948 году, когда вышел сборник «Ленинградцы в дни блокады» [Ленинградцы в дни блокады, 1947].

Первым этапом канонизации блокадных дневников можно считать 1950-е годы: именно в это время начинают публиковаться дневники ленинградских писателей и поэтов [Вишневский, 1956; Инбер, 1954]. Эти тексты в отдельных случаях имеют немного общего с оригинальными записями, они значительно дорабатывались и перерабатывались их авторами, добавлявшими в текст больше литературной связности и идеологической четкости – именно эти две черты считались ценными при публикации текстов. Дневники писателей блокадного Ленинграда, таким образом, закрывали своеобразную лакуну документальной прозы, находясь на стыке литературного текста и описания реального опыта.

Важным событием в области изменения отношения к статусу блокадного дневника стала публикация на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов лирической повести Ольги Берггольц «Дневные звезды», автобиографического произведения

сложного гибридного жанра, близкого к современным представлением о жанре «автофикшн». При работе над книгой, Берггольц не только обращалась к своему дневнику, но и к дневникам других ленинградцев. Дневники жителей блокадного Ленинграда для нее служили ключом к пониманию того, как мыслили и чувствовали другие ленинградцы, и как их опыт соотносился с ее – писательским – опытом [Берггольц, 1964, с. 33]. В процессе работы над «Дневными звездами», в особенности над второй – ненаписанной – частью книги, Берггольц собирала и сами тексты дневников: отдельные документы отложились в ее собственном архиве, а с некоторыми другими она работала в Партийном архиве – с коллекцией Института истории ВКП(б). Для разговора о статусе блокадных дневников в послевоенный период книга Берггольц также важна, поскольку это одно из наиболее ранних упоминаний словосочетания «блокадный дневник». Формула, которая впоследствии будет неоднократно использоваться и в публичной сфере, и в историографии, сложилась не сразу, однако именно выделение особого обозначения для этих документов свидетельствует о сложившемся спустя десять лет после окончания Великой Отечественной войны представлении об особости этих документов.

Вторую половину 1960-х-начало 1970-х гг. можно считать крайне важным периодом в процессе канонизации блокадных дневников: он отмечен публикацией большого количества документальных сборников, в которых начинают появляться блокадные дневники. Важно отметить, что составителей книг, по большей части, интересовали не дневники видных советских писателей, но людей, интерес к которым вызван прежде всего спецификой их профессии и занятости в блокадном Ленинграде [Девятьсот дней..., 1957; Оборона Ленинграда..., 1968; Подвиг Ленинграда..., 1960]. Во всех этих текстах представлено много фактического материала: главной их ценностью публикаторы видели их документальность и информативность этих текстов. Это согласовывается с возникновением в этот же период интереса к блокадным дневникам со стороны историографии: в 1968 году впервые блокадные дневники были введены в научный оборот по всем правилам академических изданий исторических источников в составе сборника «Оборона Ленинграда», подготовленном сотрудниками Ленинградского Института истории АН СССР в 1968 году [Оборона Ленинграда..., 1968]. В этот период также наблюдается рост интереса к блокадным дневникам со стороны историографии; не менее сильным становится интерес к дневникам противника, которые в это время начинают активно публиковаться и цитироваться, становятся ценным источником по истории собственно немецкого участия в осаде города [Гальдер, 1968-1971]. Этот историографический интерес рифмуется с переосмыслением ценности источников личного происхождения, значение которых на рубеже 1960-1970-х годов пересмотрено советскими источниковедами.

Отдельным сюжетом в истории канонизации блокадных дневников можно считать историю дневника Тани Савичевой, которая могла бы стать основой для отдельной статьи и даже монографии. История канонизации блокадных дневников убедительно демонстрирует, что едва ли можно говорить о гомогенности глорифицирующего дискурса о блокаде 1960-1970-х гг. [Воронина, 2018]. Большую известность дневник и история его автора получила в 1959 году, когда был

представлен широкой публике документальный фильм «Подвиг Ленинграда», одна из центральных линий в котором – трагедия ленинградских детей в годы блокады, а история Тани Савичевой стала воплощением этой трагедии. А. Павловский убедительно показывает, что в начальном этапе канонизации важнейшую роль играли трансферы идеологии: создатели фильма опирались на приемы и нарративные принципы, лежащие в основе фильма «Дневник Анны Франк» (1959) [Павловский, 2018, с. 82-88].

Образ Тани Савичевой, сформированный в результате трансфера практик и идеологий, сам вскоре стал активно использоваться как экспортный – в советской прессе сохранились многочисленные свидетельства о приезде иностранных делегаций в Музей истории Ленинграда, где экспонировался оригинал дневника [Хренков, 1964], на страницах журналов и газет публиковались эссе писателей стран соцлагеря [Црнцевич, 1964], сообщения о написанных болгарским композитором песни о Тане или о ее скульптурном изображении, выполненном чешским художником [Дар чехословацких друзей, 1964]. Образ Тани Савичевой, чей дневник неоднократно назывался «страшным обвинением фашизму» [Бузылев, 1967], стал важным элементом транслокальной памяти о блокаде в позднем Советском Союзе [Павловский, 2023, с. 213-226].

Курган в составе мемориала «Цветок жизни» во Всеволожском районе Ленинградской области – это свидетельство того, как сильно возросло влияние этого образа и текста в следующие пятнадцать лет. В составе мемориала в 1975 году по проекту архитекторов А. Д. Левенкова и Г. Г. Фетисова был открыт памятник Тани Савичевой – возможно, единственный случай установки памятника дневнику. На гранитных плитах были факсимильно воспроизведены страницы дневника. Такое эстетическое решение, определенно, говорит о том, что для дискурса о блокадном дневнике 1970-х годов чрезвычайно важным было представление об аутентичности блокадного дневника. Не случайно, именно факсимильные малотиражные издания использовались в качестве подарков представителям различных делегаций: «Лежит на ладони маленький белый блокнотик, стучит в сердце пепел Ленинграда и по-особому весомо звучит девиз Всесоюзного похода молодых следопытов: «Никто не забыт и ничто не забыто» [Бузылев, 1967]. Дневник Тани Савичевой, при всей его визуальной силе, совсем не многословен и отличается от подавляющего большинства блокадных дневников. При всем желании он не мог восприниматься как полноценное, информативное свидетельство, источник по истории блокады Ленинграда.

«Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина, фрагменты которой были впервые опубликованы в 1978 году [Адамович, Гранин, 1978], несомненно, играет ключевую роль в канонизации блокадных дневников. Именно этот текст позволил не только обратить внимание на безусловную ценность блокадного дневника, но и проблематизировать те практики, которые за ними стояли. Именно дневники жителей блокадного Ленинграда определили форму и жанровые особенности этой книги: когда в 1974 году белорусский писатель Алесь Адамович обратился к ленинградцу Даниилу Гранину с предложением написать книгу о блокаде Ленинграда, он предполагал, что она будет основана на собранных интервью [ЦГАЛИ СПб, ф. 107, оп. 6, д. 145, л. 4 об.] – по аналогии с книгой «Я из огненной деревни»,

соавтором которой являлся Адамович [Адамович, Брыль, Колесник, 1979], однако дневники, обнаруженные писателем еще в первый год работы над книгой, заставили их пересмотреть собственные представления о ценности источника, документальности и иерархии свидетельств.

Уже в 1975 году писатели начали сбор дневников жителей блокадного Ленинграда параллельно с интервьюированием свидетелей блокады. В результате этой работы была сформирована коллекция материалов о блокаде, архив «Блокадной книги», вошедший впоследствии в фонд Д. А. Гранина в ЦГАЛИ СПб (ф. 107). В этом архиве сохранилось 14 текстов – рукописей, машинописных копий и выписок, с отдельными рукописями, такими как дневник Г. А. Князева или Ю. Рябинкина, писатели работали, но оригиналы впоследствии передали родственникам авторов. Всего, с учетом опубликованных текстов и выписок, которые за двадцать лет до этого делала О. Ф. Берггольц (сестра поэтессы передала Д. А. Гранину рабочие материалы к книге «Дневные звезды») писатели воспользовались в работе двадцатью семью блокадными дневниками.

И в процессе работы, и в финальном тексте книги, Гранин и Адамович много рассуждали о природе блокадного дневника. Две респондентки писателей, Елена Аверьянова-Федорова и Галина Бабанская, в годы блокады молодые девушки, вели дневники в 1941-1942 гг. Во время проведения интервью писатели не только просили зачитывать для записи на магнитофон фрагменты из дневников, но и комментировать сами тексты и практики, которые за ними стояли [ЦГАЛИ СПб, ф. 107, оп. 6, д. 145]. В финальном тексте книги они – вероятно впервые в истории рефлексии блокадного опыта – отчетливо проводят разграничение между дневниковыми текстами и воспоминаниями, устными и письменными: «В рассказах, в сегодняшних воспоминаниях блокадников много точных фактов, состояний, деталей. <...> Но именно дневники особенно полно передают дыхание того времени, знобящей повседневности, когда жизнь и смерть сошлись предельно близко, склонились вместе с блокадником на его чуть тёплой «буржуйкой» [Адамович, Гранин, 2020, с. 170].

Эта иерархия текстов личного происхождения, которую сознательно выстраивали авторы «Блокадной книги», подтверждается записями из рабочих материалов А. Адамовича. Рассуждая о структуре будущей книги, он писал: «Для начал[ьных] глав важно – из дневников дать. Там лучше это – как неожиданно и зловеще это открылось – голод (Князев, Прусова и др.). А дальше уже «щепу» из рассказов» [Адамович, Гранин, 2020, с. 634]. Вторую часть «Блокадной книги» Адамович называл «дневниковой» неслучайно: писатели сознательно выстроили ее вокруг трёх текстов, два из которых являются дневниками. Впоследствии два этих текста – Г. А. Князева и Ю. Рябинкина – будут одними из самых цитируемых и перерабатываемых текстов. Гранину и Адамовичу было важно показать с помощью дневников не только «малый радиус» жителя заблокированного города, но и продемонстрировать безусловную ценность любого подобного свидетельства. Писатели намеренно обращали внимание читателя на различные неприглядные моменты в дневниках (особенно Юры Рябинкина) – они стремились показать не лакированную картину блокады, а сложную картину внутреннего мира жителя Ленинграда – и дневники лучше всего отвечали этому запросу.

«Блокадная книга», вторая часть которой была опубликована в 1981 году, обозначила новый этап в существовании дискурса о блокадных дневниках, который, вероятнее всего, продолжается и сегодня. Исследуя историю восприятия и использования блокадных дневников, можно увидеть, как это было показано в статье, некоторые периоды – иногда пересекающиеся. В основе определения этих этапов – система ценностей, стоящая за использованием этих документов. В 1950-1960-е годы, время, когда, в основном, публиковались дневники писателей и поэтов, более всего в дневниках жителей блокадного Ленинграда ценились образность и художественность, близость к литературным формам. В 1960-первой половине 1970-х годов происходит переосмысление этих текстов – они становятся источником – не только для историков, но и для деятелей культуры. При таком подходе более всего в блокадных дневниках ценились документальность и информативность. Наконец, к концу 1970-х годов, во многом благодаря «Блокадной книге» основная ценность блокадного дневника виделась в его документальности и аутентичности. При таком подходе абсолютно любой дневник, вне зависимости от того, кто являлся его автором, признается ценным, достойным публикации и исследования. Позднесоветский и постсоветский периоды, при этом, являются ничуть не менее, а во многом более интенсивным и сложным с точки зрения медиальности и задействованных акторов периодами в истории архивации и канонизации блокадных дневников [Павловская, Павловский, 2022]. Безусловно, эти периоды также нуждаются в отдельных исследованиях.

Литература

- Адамович А., Брыль Я., Колесник В. (1979). *Я из огненной деревни*. Москва, Известия, 528.
- Адамович А., Гранин Д. (1978). Главы из Блокадной книги. *Новый мир*, 12, 147–193.
- Адамович А., Гранин Д. (2020). *Блокадная книга*. Санкт-Петербург, Азбука, 688.
- Ассман А. (2014). *Длинная тень прошлого*. Москва, Новое литературное обозрение, 238.
- Берггольц О. (1964). *Дневные звезды*. Ленинград, Лениздат, 212.
- Бузылев И., Михайлов В. (1967). Прощание без разлуки. *Известия*. 31 июля, 4.
- Вишневский В. В. (1956). *Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. Дневники военных лет (1941-1942)*. Москва, Государственное издательство художественной литературы., 772.
- Воронина Т. (2018). *Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда*. Москва, Новое литературное обозрение, 688.
- Гальдер Ф. (1968-1971). *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг.* Москва, Военное издательство.
- Дар чехословацких друзей (1963). *Правда*. 29 ноября, 4.
- Девятьсот дней. *Литературно-художественный и документальный сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1957)*. Ленинград: Лениздат, 599.
- Инбер В. М. (1954). *Почти три года (Ленинградский дневник)*. Москва, Гослитиздат, 368.
- Ленинградцы в дни блокады (1947). Ленинград, Лениздат, 268.
- Оборона Ленинграда 1941–1944. *Воспоминания и дневники участников* (1968). Ленинград, Наука, 790.
- Павловская А., Павловский А. (2022). Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа (1941-2021). «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. Санкт-Петербург, Издательство ЕУ СПб., 421–457.
- Павловский А. Ф. (2023). «Большой радиус» блокады Ленинграда: множественная транслокальность и культурная память о Великой Отечественной войне в 1960–1980-е гг. *Новое прошлое / The New Past*, 2, 213–226.

- Павловский А. (2018). «Таня Савичева в зеркале Анны Франк»: нарратив о страдании в кинематографе о Блокаде и Холокосте в конце 1950-х гг. *Конструируя советское. Сборник тезисов конференции*. Санкт-Петербург, Издательство ЕУ СПб., 82–88.
- Подвиг Ленинграда. Документально-художественный сборник*. (1960). Ленинград, Лениздат, 616.
- Пянкевич В. (2014). *Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 479.
- Саянов В. М. (1963). *Ленинградский дневник*. Москва, Гослитиздат, 326.
- Сражается песня (1975). *Неделя* [Прил. к газете «Известия»]. 48, 24.
- Хренков Д. (1964). По знакомому адресу. *Литературная газета*. 25 января. 1.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 196.
- Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. 107. Оп. 3. Д. 329.
- Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. 107. Оп. 6. Д. 145.
- Црнцевич Б. (1964). Рассказ о девочке Тане. *Крокодил*, 30, 4.
- Черевков К. (1964). Четверть тысячелетия и 900 дней. *Огонек*, 5, 28–29.
- Яров С. (2021). *Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде. 1941–1942 гг.* Санкт-Петербург, Издательство ЕУ СПб., 590.
- Hass J. (2017). *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford, Oxford University Press., 440.
- Peri A. (2018). *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, Cambridge University Press, 384.

References

- Adamovich A., Bryl Y., Kolesnik V. (1979). *Ya iz ognennoj derevni* [I am from the Village of Fire]. Moscow, Izvestiya, 528.
- Adamovich A., Granin D. (2020). *Blokadnaya kniga* [The Siege Book]. St. Petersburg, Azbuka, 688.
- Adamovich A., Granin D. (1977). *Glavy iz Blokadnoj knigi* [Chapters from the Siege Book]. Novy Mir, 12, 147–194.
- Assman A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo* [Long Shadow of the Past]. Moscow, Novoe Literaturnoye Obozreniye, 238.
- Berggolts O. (1964). *Dnevnye zvezdy* [Daytime Stars]. Leningrad, Lenizdat, 212.
- Buzylev I., Mikhailov V. (1967). Proshchanie bez razluki [Farewells without Parting]. *Izvestiya*. July 31, 4.
- Central State Archive of Historical-Political Documents of St. Petersburg. F. 4000. Inv. 1. File 196.
- Central State Archive of Historical-Political Documents of St. Petersburg. F. 107. Inv. 3. File 329.
- Central State Archive of Historical-Political Documents of St. Petersburg. F. 107. Inv. 6. File 145.
- Cherevков K. (1964). Chetvert' tysyacheletiya i 900 dnei [Quarter of the Millenium and 900 days]. *Ogonek*. 5, 28–29.
- Dar chekhoslovackih druzej [Chechoslovsk Friends' Gift] (1963). *Pravda*. November 29, 4.
- Devyat'sot dnei. (1957). *Literaturno-hudozhestvennyj i dokumental'nyj sbornik, posvyashchennyj geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [900 days. Literary and Documentary Collection, dedicated to the Heroic Defense of Leiningrad]. Leningrad, Lenizdat, 599.
- Galder F. (1968-1971). *Voennyj dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachalnika Generalnogo shtaba Suhoputnyh vojsk 1939–1942 gg.* [Wartime Diary. Everyday Notes of the Chief of the General Staff of the Ground Forces]. Moscow, Voenizdat.
- Hass J. (2021). *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford, Oxford University Press, 440.
- Inber V. M. (1954). *Pochti tri goda (Leningradskij dnevnik)* [Almost Three Years]. Moscow, Goslitizdat, 368.
- Khrenkov D. (1964). Po znakomomu adresu [At a Familiar Adress]. *Literaturnaya gazeta*. January 25, 1.
- Leningradcy v dni blokady* [Leningraders During the Siege] (1947). Leningrad, Lenizdat, 268.
- Oborona Leningrada 1941–1944. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov* [The Defence of Leningrad. 1941–

1944. Memoirs and Diaries of Participants]. (1968). Leningrad, Nauka, 790.
- Pavlovskaya A., Pavlovsky A. (2022). *Blokadnyj dnevnik v kul'turnoj pamyati: arhiv i kanon blokadnogo ego-dokumenta (1941–2021)* [Blockade Diary in Cultural Memory]. «*Ya znayu, chto tak pisat' nel'zya*»: *Fenomen blokadnogo dnevnika* [“I Know that I can’t Write that Way”: Phenomenon of the Siege Diary]. St. Petersburg, EUPRESS, 421–457.
- Pavlovsky A. F. (2023). «Bol'shoj radius» blokady Leningrada: mnozhestvennaya translokal'nost' i kul'turnaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v 1960–1980-e gg. [“The Big Radius” of the Siege of Leningrad: Multiple Translocalities and Cultural Memory of the Great Patriotic War]. *The New Past*, 2, 213–226.
- Pavlovsky A. (2018). «Tanya Savicheva v zerkale Anny Frank»: narrativ o stradanii v kinematographe o Blokade i Holokoste v konce 1950-h gg. [Tanya Savicheva in the Mirror of Anne Frank: Narrative of Suffering in films about Siege and Holocaust in late of 1950s]. *Konstruiruya sovetskoe. Sbornik tezisev konferencii* [Constructing the Soviet. Collection of conference abstracts]. St. Petersburg, EUPRESS., 82–88.
- Peri A. (2018). *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, Cambridge University Press., 384.
- Podvig Leningrada Dokumental'no-hudozhestvennyj sbornik* [Feat of Leningrad. Documentary Collection]. (1960). Leningrad, Lenizdat, 616.
- Pyankevich V. (2014). *Lyudi zhili sluhami. Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [People Lived with Rumours. Informal Communicative Space in Besieged Leningrad]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 479.
- Sayanov V. M. (1963). *Leningradskij dnevnik* [Leningrad Diary]. Moscow, Goslitizdat, 326.
- Srazhaetsya pesnya (1975). [The Song Fights]. *Nedelya [Week] (Add. to the newspaper "Izvestia")*. 48, 24.
- Tsrncevich B. (1964). *Rasskaz o devochke Tane* [A Tale of a Girl Called Tanya]. *Krokodil*, 30, 4.
- Vishnevsky V. V. (1956). *Sobranie sochinenij v 5 t. T. 3. Dnevniki voennykh let (1941–1942)* [Collection of Works. Vol. 3. Wartime Diaries (1941–1942)]. Moscow, Goslitizdat, 772.
- Voronina T. (2018). *Pomnit' po-nashemu. Socrealisticheskij istorizm i blokada Leningrada* [Remembering Our Way. Socialist Realism and the Siege of Leningrad]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye, 688.
- Yarov S. (2021). *Blokadnaya etika: predstavleniya o morali v Leningrade. 1941–1942 gg.* [The Siege Ethics: Representation of the Morals in Leningrad. 1941–1942]. St. Petersburg, EUPRESS, 590.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.11.2023.
Принята к публикации 30.11.2023.

Об авторе

Павловская Анастасия Юрьевна (р. 1995) – младший научный сотрудник Института истории обороны и блокады Ленинграда, ГММОБЛ, исследователь Центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб; ORCID: 0009-0008-4345-4412; pavlovskaya@lenoblmu.ru

Pavlovskaya A. Y.

SIEGE DIARY AND MEMORY OF WAR IN 1950s–1970s:

STAGES OF ARCHIVING AND CANONIZATION OF EGODOCUMENTS IN PUBLIC DISCOURSE

Abstract. The article examines the discourse of the siege diary in the context of the cultural memory of the Great Patriotic War in the 1950s–1970s. The author shows that current understandings of the siege diary as a historical source and a symbol have its own genealogy, the roots of which are in the 1940s. Analyzing the processes of archiving and canonization of siege diaries, the author comes to the conclusion that it is possible to distinguish three stage of the discourse about the siege diary, which are based on the ideas about the value of the document and the range of its possible interpretations. The first period (1950s–early 1960s) is characterized by attention to the literary integrity of the texts, while the second (1960s–1970s) is the time of the discovery of the historical and factual value of the siege diaries. The period that began in the late 1970s with the publication of *The Siege Book* by D. Granin and A. Adamovich is associated with the idea of the unconditional value of the siege diary.

Keywords: memory studies, archive, Siege of Leningrad, memory of the Siege of Leningrad, memory of the Great Patriotic War, egodocuments

For citation: Pavlovskaya A. Y. Siege diary and memory of war in 1950s–1970s: stages of archiving and canonization of egodocuments in public discourse. *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 637-645. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).637-645